

ТБИЛИССКАЯ НАХОДКА

Неизвестная рукопись М. А. Шолохова

ЛЕТ ПЯТНАДЦАТЬ назад грузинские кинематографы Кора Церетели и Ольга Табукашвили в архиве кинорежиссера Николая Шенгелая обнаружили неосуществленный сценарий фильма «Поднятая целина». Появились публикации в тбилисских газетах, в изданиях научного характера. Несколько папок с надписью «М. Шолохов, Н. Шенгелая. «Поднятая целина» было сдано на хранение в отдел редких книг и рукописей Республиканской научной библиотеки имени Карла Маркса. И так уж, к сожалению, случилось, что не был задан и потому, естественно, решен первостепенной важности вопрос: не рукой ли Шолохова исписаны эти страницы, покоящиеся в архиве уже полсотни лет? Не ждет ли нас встреча с неизвестной рукописью великого писателя?..

Зимой этого года по заданию журнала «Дон», который скоро познакомит читателей с фрагментами из киносценария «Поднятая целина», я приехал в Тбилиси и сразу же позвонил народному артисту Грузинской ССР Эльдару Шенгелая — одному из сыновей создателя знаменитых кинолент «Элисо» и «Двадцать шесть комиссаров». По просьбе Эльдара Николаевича меня допустили в святая святых библиотеки — в отдел раритетов, но его заведующая Ферида Квачантардзе сразу же охладилла мой исследовательский пыл:

— Боюсь, что вы напрасно побеспокоились. Если бы здесь были автографы Шолохова, мы бы об этом знали...

Но очень после этого надеясь на удачу, я принялся за чтение сценария, написанного Шолоховым и Шенгелая по роману «Поднятая целина» в станице Вешенской осенью 1933 года. Потом начал разбираться в рукописи и понял, что над ней трудились, по крайней мере, двое: дочери разные. Одним из них мог быть Михаил Александрович... А кто же второй? Шенгелая?

Этот вопрос я задал кандидату искусствоведения Коре Давидовне Церетели, и она ответила:

— Нет, это не рука Николая Михайловича, хотя такой вариант и напрашивается прежде всего. Часть киносценария под диктовку Шолохова записана Николаем Санишвили. Он был сорежиссером Шенгелая. Вот его адрес...

Тбилиси, 1983 год

В ТОТ ЖЕ день вечером я побывал у народного артиста Грузинской ССР Николая Константиновича Санишвили, принимавшего участие в создании таких известных фильмов, как «Георгий Саакадзе», «Давид Гурамисвили», «Весна в Сакене». Разговор наш был долгим и для меня — захватывающе интересным. А потом, месяца два спустя, я прилетел в Тбилиси вместе с корреспондентом газеты «Советская Россия» по Ростовской области Вадимом Александровичем Огурцовым и сразу же, взяв с собой диктофон, мы отправились к Санишвили. В подарок ему мы несли красочный альбом «В краю тихого Дона», зная, как 80-летнему мастеру будет приятна пусть и заочная встреча с шолоховской землей, где прошло несколько незабываемых месяцев его жизни.

Наша беседа началась так:

— Николай Константинович, когда недавно Марии Петровне Шолоховой был задан вопрос, помнит ли она ваш давний приезд в Вешенскую, ответ прозвучал так: «Я хорошо помню и Шенгелая, и Санова. Веселые, громкие, очень искренние были ребята. Мы с Михаилом Александровичем очень жалели, что Шенгелая так рано, наверное, лет в сорок, в самую войну ушел из жизни. Так у вас будет встреча с Сановым?.. Тогда передайте ему мои

Вешенская, 1933 год

— А теперь, — говорит он, — я хочу рассказать о самом серьезном, да и, пожалуй, самом интересном. О том, как роман на моих глазах превращался в киносценарий... Поймите Шенгелая: он в воображении уже видел будущий фильм, но сокращать главы не решался. Слишком велика была опасность необратимых утрат, которые не могли не сказаться на картине в целом. Поэтому он сделал черновое объединение глав, а за интерпретацию каждого куска брался сам Шолохов. Таким образом, главы в 15—20 страниц сводились к 3—4 страницам. И это не было, конечно, механическим сокращением. Рождались сценарные куски, сохранившие самое главное — революционный пафос романа, его неповторимый донской колорит.

Скажу больше, друзья: это были уже не главы известного всем произведения, а художественный пересказ, в котором часто появлялась и новая, отличная от книги сценарная драматургия, и акценты зачастую были иные.

Вы знаете, что нас больше всего удивляло? Несколько экземпляров «Поднятой целины» всегда лежали на столе, мы без них обходиться не могли, а Шолохов никогда книгу даже не открывал — настолько прекрасна была у него память. По памяти и писал сюжеты для фильма. Часто бывало так: утром, когда мы приходили к нему завтракать, Михаил Александрович вдруг рассказывал новые варианты накануне проделанной работы. Видно, за ночь вдумывался, видел новые решения, и тогда вместе с Шенгелая они отбирали лучший вариант...

Шолохов, работая, приговаривал, что он не сценарист, но мы с Николаем всегда удивлялись, с каким точным соответствием замыслу он дает фрагменты сценария. Окончательный вариант он писал собственной рукой, хотя иногда под его диктовку продолжал я. Работа нередко прерывалась, потому что к писателю все время шли люди по разным своим делам, а он, разговаривая с гостями, и про нас с Николаем не забывал. А то еще и оператора Поликевича с нами во двор выгнать и спрашивает, показывая, к примеру, на здорового казачину, ожидавшего разговора с Михаилом Александровичем: «А ну, посмотритесь, это не Нагульнов?»

Однажды Михаил Александрович сказал нам: «Хватит, ребята, сидеть в Вешках, пора в дорогу». Пришел шофер Устиньич, и Шолохов вместе с ним разработал для нашей троицы из Грузии маршрут поездки по донским хуторам и станицам. Тогда Антон Иосифович отснял массу пейзажей. Это была зимняя натура, которая должна была нам вскоре

шинописная копия режиссерского сценария с подробнейшей раскадровкой, к сожалению, так и не состоявшегося фильма... А вот и литературный сценарий в рукописи!

Да, это шолоховский почерк. И как я мог сомневаться?.. Читаю и перечитываю страницы, написанные его рукой, и просматриваю те, которые, как говорил Санишвили, надиктовал ему писатель той поздней осенью тридцать третьего года. Рядом для сравнения лежит ксерокопия двух страниц рукописи романа «Поднятая целина», любовно и тщательно сберегаемых в семье Михаила Михайловича Шолохова — сына писателя. Пройдет несколько дней, и уже в Ростове мы получим официальное заключение эксперта — почерковедца: «При оценке результатов сравнительного исследования установлено, что совпадающие признаки устойчивы, существенны и составляют индивидуальную совокупность, достаточную для вывода о том, что рукописный текст фотоконии сценария «Поднятая целина» выполнен М. А. Шолоховым. Отмеченные различия не существенны, на сделанный вывод не влияют и могут быть объяснены большим разрывом во времени выполнения исследуемых текстов». Подписано: О. Полова, старший научный сотрудник Центральной Северо-Кавказской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы. Там же, в Тбилиси, в отделе редких книг и рукописей, затаяв дыхание, рассматривал я два альбома фотографий, сделанных когда-то в Вешенской оператором Тбилисской киностудии Антоном Поликевичем. Хвала его мастерству!

На одном из снимков мы видим Шолохова, а по бокам от него — Шенгелая и Санишвили. Очевидно, Поликевич щелкнул затвором своей «лейки» в доме писателя. Атмосфера дружелюбия здесь безраздельна.

Вот дружеский фотопарк Поликевича на тему «Режиссер просит автора поскорей закончить сценарий по «Поднятой целине». Впрочем, какое уж там «просит»: гусиное перо и старинный рукописный свиток Михаила Александровича, наган и шашка в руках Николая Михайловича!

И еще одна фотография: на крыльце какого-то вешенского, видимо, дома стоят Шолохов и Санишвили, а Шенгелая в белой широкой кепке и в грузинских сапогах, плохо, наверное, согревавших ему ноги, полудрежит на заснеженных порогах. Между Шолоховым и Санишвили — могучий казак в ушанке. Уж не шофер ли Устиньич?

Три эти снимка — из семейного архива братьев Эльдара и Георгия Шенгелая, народных артистов республики, поставивших хорошо известные фильмы «Мелодии Верейского квартала», «Пиромания», «Необыкновенная выставка», «Голубые горы, или Неправдоподобная история» (этот последний

все же старик так похож на Рваного в моем представлении, что от предложения не откажусь, пока не будет возможности лично убедиться, что это не так.

А ведь ошибся!

— Да что вы, не кулак он, но принять его за кулака можно — очень норовистый и хитрый был старик. Фамилию его не помню. В Вешках все звали его Егор Турецкий. Почему, спрашиваете?.. Да он чуть ли не в трех русско-турецких войнах участвовал. За точность этих сведений не ручаюсь, конечно, но в Турции дедок этот бывал. Иначе бы клички такой не было, в этом деле случайностей не допускалось, — рассказывал мне на крыльце нарядного, просторного дома в самом центре станицы Вешенской в начале прошлого лета Василий Федорович Зенков. 80-летний пенсионер, чей облик в возрасте тридцати лет исправно оставила нам на память фотокамера Антона Поликевича.

Показываю снимок Зенкову, спрашиваю:

— Нам сказали, Василий Федорович, что это — вы. Узнаете?

— А то нет! — быстро отвечает он. — А ну, бабка, — зовет жену, копящуюся в огороде, — беги!.. Погляди, какой я молодец был, хоть куда!..

Жена Зенкова соглашается: да, он, Василий Федорович, в доме фотопартией хозяина того времени нет. Да и вообще ни одного довоенного снимка не сохранилось.

— Не помню, чтобы фотопартировался для фильма, о котором вы говорите. Запомню-вал... — говорит Зенков. — А вот лучше всего помню, как с Михаилом Александровичем по разным житейским делам приходилось гутарить. Я в колхозе работал, и пришла, к примеру, в Вешки баржа с семенной картошкой. Это было году в тридцать втором, а может, чуть попозже... Да, баржа у пристани стоит, а денег у нашего колхоза картошку выкупить нету. Просчитались, видать. Мне и говорит председатель: «Сходи к Шолохову, займи». Ну, я и пошел. Как раз перед этим Михаил Александрович просил нашу бригаду помочь ему по хозяйству быками... Прихожу. Он внимательно выслушал. «Дам, — говорит, — денег, как не дать. Пойди, Василий Федорович, к тестю Петру Яковлевичу, скажешь — от меня. Возьмешь у него триста рублей». Я шапку напялил и скорей к Петру Яковлевичу, он недалеко жил. А тот уже в воротах стоит, ждет меня. Михаил-то Александрович его по телефону упередил насчет денег...

...Вернувшись в Вешенскую после войны, Зенков нашел свой дом разрушенным фашистской бомбой. Пришлось отстраиваться. Трудно, конечно, было, да и кому тогда легко было?.. Работал он в районном дорожном ведомстве переправой через Дон. Лет пятнадцать, не меньше, была у Зенкова здесь возможность накоротке беседовать с Шолоховым.

— Звонит на переправу: «Ребята, готовьте паром, скоро буду». Ну, мы подготовимся, ждем. Приезжает Михаил Александрович на машине. Всегда всех, кто есть на пароме, угостит папиросами — с куревом плохо было, он понимал... А как-то весной поспешили мне славать с Михаилом Александровичем катером за Еланскую. Вот уж рыбалка была!..

Слушая Василия Федоровича, держу в руках его давнюю фотографию и думаю: под какой же типаж полстолетия назад он мог подойти для задуманного фильма? Он был ровесником Любимкина и Ушакова, ненамного моложе Разметнова и Нагульнова. А ведь удалой, судя по всему, был казак, недаром и на девятом десятке он еще и крепок, и мятлив!..

Вешенская, 1984 год

С ПАЧКОЙ фотографий из тбилисского альбома удалось побывать на хуторах Калининском, Кружилинском, Антиповском, Дубровском и Лебяжьем. И везде, встречаясь со старыми людьми, задавался один и тот же вопрос: «Не знаете ли кого?..». Старики вглядывались, каждый из них, как правило, рассказывал свою очень интересную историю, так или иначе связанную с писателем-земляком, а потом смущенно пожимал плечами и говорил: «Что-то не могу угадать...»

И кто бы мог подумать, что в самой Вешенской, а не на дальнем хуторе ждет меня ответ на ту загадку, которую я давно сам себе задал: кто же этот старик в малахае на голове, сморщенный в объектив аппарата с какой-то притянувшейся хитринкой, с юморком?.. Не тот ли дед, с которого мог писать Шолохов Шукаря?

— Да он и есть, — сказал ветеран Вешенского народного драматического театра Константин Гаврилович Зотьев, переигравший на станичной сцене добрый десяток шолоховских героев — и Шукаря, и Банника, и Мелехова — отца... — Это Тимофей Иванович Воробьев. У нас ведь многие в Вешках уверены, что он немало послужил Михаилу Александровичу при написании образа Шукаря, да и в литературе об этом упоминается... А вот фотопартию деда Тимофея я вижу впервые. Ясное дело, кто в тридцатые годы мог сделать его карточку? Умер он вскоре после войны...

— Тимофей Иванович был ходячим анекдотом, — добавляет Тамара Петровна Попова, актриса, лучшей ролью которой в Вешенском театре была Лужка Нагульнова. — Я родом с хутора Поповки, так и до нас доходили воробьевские чудачества.

Как видим, веселую память оставил о себе человек... Но все-таки это легенды, а кто же расскажет мне о Воробьеве все, как есть, кто он, как говорится, и откуда?

Такого человека порекомендовали в райкоме партии. Это ветеран колхозного движения на Верхнем Дону Иван Иванович Пятиков.

— Прекрасно помню Тимофея Ивановича, — рассказывал он. — Я работал колхозным бригадиром на хуторе Волоховском, а он у меня в бригаде. С Волоховского мы возили дрова продавать в Вешенскую. И так случилось, что один раз Анастасия Даниловна, мать писателя, купила дрова у деда Воробьева, другой, и понаравилась они ей. Стал Тимофей Иванович постоянным поставщиком дров для Шолоховых. Ну, а там и его знакомство с Михаилом Александровичем состоялось. По душе он пришелся Шолохову. Сколь-то у них обо всем было переговорено!..

И вот еще случай был. Однажды возвращается дед из Вешек и говорит мне: «Ваня, Анастасия Даниловна просила еще дровец привезть. А Михаил Александрович сказал, чтобы и ты всенепременно со мной в Вешки прибыл».

Что ж, от такого приглашения не отказываются. Сняли мы дрова на сани грузить, а Тимофей Иванович оступился — и подошву его сапога как срезало. А была распутица, валенки не наденешь, что делать?.. Так в порванном сапоге он и поехал! Старик всю дорогу меня дожимал: «Ваня, как я покажусь Михаилу Александровичу?»

Приехали, дрова выгрузили, я к Шолохову в дом зашел, он говорит: «Спасибо, Иван Иванович, что быков даешь нам дровишки возить. Зима-то нынче, видишь, какая долгая...». И спохватился: «А где дед Тимофей?». Я про сапог сказал, Михаил Александрович во двор вышел и старика затащил, за стол нас усадил... А потом говорит: «Иван Иванович, ты как домой приедешь, пошли письмо в Ростов директору обувной фабрики. Расскажи про беду с нашим дедом и попроси у него новые сапоги для него. Думаю, не откажет...» А сам в усы улыбается и хитро так, весело!..

И что вы думаете? Прошло недели три, и почтальон принес Воробьеву посылку, а ней — чудесные хромовые сапоги!.. Думаю, что вслед за моим письмом и Михаил Александрович написал на фабрику. А кто ж ему мог отказать — народному писателю?..

Поиски мои, связанные с судьбой киносценария М. Шолохова и Н. Шенгелая «Поднятая целина», далеко не закончены. Еще не однажды, наверное, поеду и в Тбилиси, и в Вешенскую. Крепко-накрепко связала их история, о которой я и хотел рассказать.

Ю. НЕМИРОВ.

На снимках: тип Майданикова; тип Давыдова; тип кулака (Егор Турецкий); Тимофей Иванович Воробьев; Василий Федорович Зенков; вверху (слева направо) — Н. Санишвили, М. Шолохов, Н. Шенгелая.

ЛЕТ ПЯТНАДЦАТЬ назад грузинские киноведы Кора Церетели и Ольга Табукашвили в архиве кинорежиссера Николая Шенгелая обнаружили неосуществленный сценарий фильма «Поднятая целина». Появились публикации в тбилисских газетах, в изданиях научного характера. Несколько папок с надписью «М. Шолохов, Н. Шенгелая. «Поднятая целина» было сдано на хранение в отдел редких книг и рукописей Республиканской научной библиотеки имени Карла Маркса. И так уж, к сожалению, случилось, что не был задан и потому, естественно, решен первоочередной важности вопрос: не рукой ли Шолохова исписаны эти страницы, покоящиеся в архиве уже полсотни лет? Не ждет ли нас встреча с неизвестной рукописью великого писателя?..

Зимой этого года по заданию журнала «Дон», который скоро познакомит читателей с фрагментами из киносценария «Поднятая целина», я приехал в Тбилиси и сразу же по звонил народному артисту Грузинской ССР Эльдару Шенгелая — одному из сыновей создателя знаменитых кинолент «Элисо» и «Двадцать шесть комиссаров». По просьбе Эльдара Николаевича меня допустили в святая святых библиотеки — в отдел раритетов, но его заведующая Ферида Квачантрадзе сразу же охладила мой исследовательский пыл:

— Боюсь, что вы напрасно побеспокоились. Если бы здесь были автографы Шолохова, мы бы об этом знали...

Но очень после этого надеясь на удачу, я принялся за чтение сценария, написанного Шолоховым и Шенгелая по роману «Поднятая целина» в студии Вешенской осенью 1933 года. Потом начал разбираться в рукописи и понял, что над ней трудились, по крайней мере, двое: почерки разные. Одним из них мог быть Михаил Александрович... А кто же второй? Шенгелая?

Этот вопрос я задал кандидату искусствоведения Коре Давидовне Церетели, и она ответила:

— Нет, это не рука Николая Михайловича, хотя такой вариант и напрашивается прежде всего. Часть киносценария под диктовку Шолохова записана Николаем Санишвили. Он был сорежиссером Шенгелая. Вот его адрес...

Вешенская, 1933 год

— А теперь, — говорит он, — я хочу рассказать о самом серьезном, да и, пожалуй, самом интересном. О том, как роман на моих глазах превращался в киносценарий... Помните Шенгелая: он в воображении уже видел будущий фильм, но сокращать главы не решался. Слишком велика была опасность необратимых утрат, которые не могли не сказаться на картине в целом. Поэтому он сделал черновое объединение глав, а за интерпретацию каждого куска брался сам Шолохов. Таким образом, главы в 15—20 страниц сводились к 3—4 страницам. И это не было, конечно, механическим сокращением. Родились сценарные куски, сохранившие самое главное — революционный пафос романа, его неповторимый доносский колорит.

Скажу больше, друзья: это были уже не главы известного всем произведения, а художественный пересказ, в котором часто появлялась и новая, отличная от книги сценарная драматургия, и акценты зачастую были иные.

Вы знаете, что нас больше всего удивляло? Несколько экземпляров «Поднятой целины» всегда лежали на столе, мы без них обходиться не могли, а Шолохов никогда книгу даже не открывал — настолько прекрасная была у него память. По памяти и писал сюжеты для фильма. Часто бывало так: утром, когда мы приходили к нему завтракать, Михаил Александрович вдруг рассказывал новые варианты накануне вдроганной работы. Видимо, за ночь вдумывался, видел новые решения, и тогда вместе с Шенгелая они отбирали лучший вариант...

Шолохов, работая, приговаривал, что он не сценарист, но мы с Николаем всегда удивлялись, с каким точным соответствием замыслу он дает фрагменты сценария. Окончательный вариант он писал собственной рукой, хотя иногда под его диктовку продолжал я. Работа нередко прерывалась, потому что к писателю все время шли люди по разным своим делам, а он, разговаривая с гостями, и про нас с Николаем не забывал. А то еще и оператора Поликевича с нами во двор вытаскивал и спрашивает, показывая, к примеру, на задорногого казачину, ожидавшего разговора с Михаилом Александровичем: «А ну, посмотри, это не Нагульнов?»

Однажды Михаил Александрович сказал нам: «Хватит, ребята, сидеть в Вешках, пора в дорогу». Пришел шофер Устинович, и Шолохов вместе с ним разработал для нашей тройки из Грузии маршрут поездки по донским хуторам и станциям. Тогда Антон Иосифович отнял массу пейзажей. Это была зимняя натура, которая должна была нам вскоре

шинописная копия режиссерского сценария с подробнейшей расквдровой, к сожалению, так и не состоявшегося фильма... А вот и литературный сценарий в рукописи!

Да, это шолоховский почерк. И как я мог сомневаться?.. Читаю и перечитываю страницы, написанные его рукой, и просматриваю те, которые, как говорил Санишвили, надиктовал ему писатель той поздней осенью тридцать третьего года. Рядом для сравнения лежит ксерокопия двух страниц рукописи романа «Поднятая целина», любовно и тщательно берегаемых в семье Михаила Михайловича Шолохова — сына писателя. Пройдет несколько дней, и уже в Ростове мы получим официальное заключение эксперта — почерковеда: «При оценке результатов сравнительного исследования установлено, что совпадающие признаки устойчивы, существенны и составляют индивидуальную совокупность, достаточную для вывода о том, что рукописный текст фотоконии сценария «Поднятая целина» выполнен М. А. Шолоховым. Отмеченные различия не существенны, на сделанный вывод не влияют и могут быть объяснены большим разрывом во времени выполнения исследуемых текстов». Подписано: О. Попова, старший научный сотрудник Центральной Северо-Кавказской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы. Там же, в Тбилиси, в отделе редких книг и рукописей, затаив дыхание, рассматривал я два альбома фотографий, сделанных когда-то в Вешенской оператором Тбилисской киностудии Антоном Поликевичем. Хвала его мастерству!

На одном из снимков мы видим Шолохова, а по бокам от него — Шенгелая и Санишвили. Очевидно, Поликевич щелкнул затвором своей «лейки» в доме писателя. Атмосфера дружелюбия здесь безраздельна.

Вот дружеский фотопортрет Поликевича на тему «Режиссер просит автора поскорей закончить сценарий по «Поднятой целине». Впрочем, какое уж там «просит»: гусиное перо и старинный рукописный свиток Михаила Александровича, наган и шапка в руках Николая Михайловича!..

И еще одна фотография: на крыльце какого-то вешенского, видимо, дома стоят Шолохов и Санишвили, а Шенгелая в белой широкой кепке и в грузинских сапогах, плохо, наверное, согревавших ему ноги, полуделит на заснеженных порогах. Между Шолоховым и Санишвили — могучий казак в ушанке. Уж не шофер ли Устинович?

Три эти снимка — из семейного архива братьев Эльдара и Георгия Шенгелая, народных артистов республик, поставивших хорошо известные фильмы «Мелодия Верийского квартала», «Пиромсани», «Необыкновенная выставка», «Голубые горы, или Неправдоподобная история» (этот последний

фильм Эльдара Николаевича получил главный приз на Всесоюзном кинофестивале в Киеве в нынешнем году). А теперь обратимся к фотопортретам казаков и казачек, которых Антон Поликевич запечатлел в донских хуторах и станциях. Фотографироваться для них было делом совершенно необычным.

Люди отбирались Поликевичем по одному принципу — похожие на героев «Поднятой целины». При этом перед присутствующим сам Шолохов.

Санишвили вспоминал, что однажды позировал и высокий, плечистый парень — директор Вешенского маслобойного завода, и старик, с которого, возможно, Михаил Александрович писал Щукаря. Фамилии того и другого, естественно, с той далекой поры не запомнились...

Снова и снова перебираю копии тех фотографий из альбомов тбилисской библиотеки. И думаю: кто же это? Буденовка с красной звездой на голове казака средних лет... Есть все основания (вспомним книгу!) полагать его человеком с судьбой Майданникова. А этот, в широко распахнутом тулупе, так сосредоточенно глядящий в объектив... Уж не сцена ли перед нами на тему: Кондрат прощается с быками. И такое может быть!

На Давыдова смахивает мужчина лет тридцати с папиросой, зажатой в левом углу рта. А вот кулак прямо с плаката 30-х годов! Ровно подстриженная борода рельефно смотрится на фоне довольно богатой шубы. А взгляд уж такой пронзительный, что и сейчас становится не по себе... Условно назовем его Фролом Рваным.

А может, напраслину возвожу на деда? Кулак-то к тому времени были посланы! И

Не помню, чтобы фотографировался для фильма, о котором вы говорите. Запомню все помню, как с Михаилом Александровичем по разным житейским делам приходилось гулять. Я в колхозе работал, и пришла, к примеру, в Вешки баржа с семенной картошкой. Это было году в тридцать втором, а может, чуток позлее... Да, баржа у пристани стоит, а денег у нашего колхоза картошку выкупить нету. Просчитались, видите... Мне и говорит председатель: «Сходи к Шолохову, займи». Ну, я и пошел. Как раз перед этим Михаил Александрович прислал нашу бригаду помочь ему по хозяйству быками... Прихожу. Он внимательно выслушал. «Дам, — говорит, — денег, как не дасть. Пойди, Василий Федорович, к тестю Петру Яковлевичу, скажешь — от меня. Возьмешь у него триста рублей». Я шапку напялил и скорей к Петру Яковлевичу, он недалеко жил. А тот уже в воротах стоит, ждет меня. Михаил-то Александрович его по телефону упрел насчет денег...

Вернувшись в Вешенскую после войны, Зенков нашел свой дом разрушенным фашистской бомбой. Пришлось отстраиваться. Трудно, конечно, было, да и кому тогда легко было? Работал он в районном доротделе, ведал переправой через Дон. Лет пятнадцать, не меньше, была у Зенкова здесь возможность накоротке беседовать с Шолоховым.

Звонит на переправу: «Ребята, готовьте паром, скоро буду». Ну, мы подготовились, ждем. Приезжает Михаил Александрович на машине. Всегда всех, кто есть на пароме, утаскивает папиросами — с куревом плохо было, он понимал... А как-то весной погостил в Вешках у Зенкова, а потом смущенно пожимал плечами и говорил: «Что-то не могу угадать...»

Тбилиси, 1983 год

В ТОТ ЖЕ день вечером я побывал у народного артиста Грузинской ССР Николая Константиновича Санишвили, принимавшего участие в создании таких известных фильмов, как «Георгий Саакадзе», «Давид Гурамияшвили», «Весна в Сакене». Разговор наш был долгим и для меня — захватывающе интересным. А потом, месяца два спустя, я прилетел в Тбилиси вместе с корреспондентом газеты «Советская Россия» по Ростовской области Вадимом Александровичем Огурцовым и сразу же, взяв с собой диктофон, мы отправились к Санишвили. В подарок ему мы несли красочный альбом «В краю тихого Дона», зная, как 80-летнему мастеру будет приятно пусть и заочная встреча с шолоховской землей, где прошло несколько незабываемых месяцев его жизни.

Наша беседа началась так:

— Николай Константинович, когда недавно Марии Петровне Шолоховой был задан вопрос, помнит ли она ваш давний приезд в Вешенскую, ответ прозвучал так: «Я хорошо помню и Шенгелая, и Санова. Веселые, громкие, очень искренние были ребята. Мы с Михаилом Александровичем очень жалели, что Шенгелая так рано, наверное, лет в сорок, в самую войну ушел из жизни. Так у вас будет встреча с Сановым?.. Тогда передайте ему мои искренние приветы. Надо же, ведь пятьдесят лет прошло!» Почему же Мария Петровна называет вас Сановым?

— Видите ли, — ответил режиссер, — в ту пору я много снимался как актер, и Мария Петровна неплохо знала меня в этом качестве. Санов — мой псевдоним. Могу назвать несколько фильмов моей молодости: «Тайна маяка», «Абрек Заур», «Закон гор», «Земля жаждет».

О земле, жаждавшей подлинного хозяина на ее просторах — человека труда, был задуман и фильм «Поднятая целина». Конечно, Шенгелая и Санишвили подолгу беседовали с писателем о том, какой им видится эта картина. Их подкупило, что Шолохов так охотно откликнулся на предложение грузин создать фильм на материале, столь непохожем на закавказский уклад жизни. Но коллективизация шла по всей стране — от Куры до Дона, и лучшая посвященная ей книга так и просилась на экран!..

Режиссер хотел придать фильму тот масштаб, который присущ произведению М. Шолохова, но чтобы сохранился столь широкий, романтический подход к истории одного из первых на донской земле колхозов, надо было провести огромную работу: пересказать основные события «Поднятой целины» на языке, присущем кинематографу. За полтора часа экранного времени предстояло раскрыть содержание книги, ее идейную и художественную сущность.

— Шенгелая вызвал меня и оператора Антона Поликевича в Вешенскую официальной телеграммой руководству Госкинопрома Грузии, — вспоминает Николай Константинович, — но была ведь еще и коротенькая телеграмма, а адресованная лично мне: «Коля, забери с собой боцнок вина». Я бы и сам, поверьте, догадался это сделать: грузин я или не грузин? Санишвили смеется, запрокинув седую голову.

понадобится: вы, конечно, помните, что начинается первая книга «Поднятой целины» в январе... Из названий хуторов, где мы тогда побывали, запомнил два — Диченский и Черновский.

И еще один важный момент нашей работы в Вешенской: по рекомендации Шолохова Поликевич сделал несколько десятков фотопортретов людей, которые каким-то образом по своему внешнему облику напоминали героев романа. Помните, человек пятнадцать мы отобрали для участия в съемках. Они и сейчас стоят у меня перед глазами — эти казаки, так похожие на Нагульнова, Майданникова, Любичкина... Были найдены очень удачные типы деда Щукаря, кулака Давыдова по кличке Рваный, Лушки Нагульнов...

Словом, работалось нам чудесно, и подружился мы с писателем крепко. А позднее, когда руководители кинематографии спрашивали Шолохова, почему он так расположен к грузинам, Михаил Александрович вполне серьезно отвечал: благодаря сходности темпераментов грузин скорее поймет казака, чем кто-нибудь другой. Писатель очень хотел, чтобы Лушку сыграла звезда нашего кино Нато Вачнадзе...

Тбилиси, 1984 год

В МЕСТЕ с первым секретарем Союза кинематографистов Грузии Эльдаром Николаевичем Шенгелая я вновь вхожу в тесные таинственные «владения» Фериды Шалвовны Квачантрадзе. И снова у нас в руках папка одна, вторая, третья... Ма-

фильм Эльдара Николаевича получил главный приз на Всесоюзном кинофестивале в Киеве в нынешнем году). А теперь обратимся к фотопортретам казаков и казачек, которых Антон Поликевич запечатлел в донских хуторах и станциях. Фотографироваться для них было делом совершенно необычным.

Люди отбирались Поликевичем по одному принципу — похожие на героев «Поднятой целины». При этом перед присутствующим сам Шолохов.

Санишвили вспоминал, что однажды позировал и высокий, плечистый парень — директор Вешенского маслобойного завода, и старик, с которого, возможно, Михаил Александрович писал Щукаря. Фамилии того и другого, естественно, с той далекой поры не запомнились...

Снова и снова перебираю копии тех фотографий из альбомов тбилисской библиотеки. И думаю: кто же это? Буденовка с красной звездой на голове казака средних лет... Есть все основания (вспомним книгу!) полагать его человеком с судьбой Майданникова. А этот, в широко распахнутом тулупе, так сосредоточенно глядящий в объектив... Уж не сцена ли перед нами на тему: Кондрат прощается с быками. И такое может быть!

На Давыдова смахивает мужчина лет тридцати с папиросой, зажатой в левом углу рта. А вот кулак прямо с плаката 30-х годов! Ровно подстриженная борода рельефно смотрится на фоне довольно богатой шубы. А взгляд уж такой пронзительный, что и сейчас становится не по себе... Условно назовем его Фролом Рваным.

А может, напраслину возвожу на деда? Кулак-то к тому времени были посланы! И

Вешенская, 1984 год

С ПАЧКОЙ фотографий из тбилисского альбома удалось побывать на хуторах Калининском, Кружильском, Антиповском, Дубровском и Лебяжьем. И везде, встречаясь со старыми людьми, задавался один и тот же вопрос: «Не знаете ли кого?..». Старики вглядывались, каждый из них, как правило, рассказывал свою очень интересную историю, так или иначе связанную с писателем-земляком, а потом смущенно пожимал плечами и говорил: «Что-то не могу угадать...»

ВЫСТАВКИ

НА ПОРОГЕ ЗРЕЛОСТИ

В залах Ростовского Дома офицеров и Дома кино прошла персональная выставка сальского художника Николая Мирошниченко. Портреты — беспорядная удача выставки. Именно в них наиболее четко проследживается авторская позиция: люди, которые окружают меня, которых я знаю и люблю. Обаятельнейший образ русской женщины создает Мирошниченко в портрете ветерана труда Е. Г. Сидоровой.

Чувством нежности и отцовской любви окрашен «Портрет дочери». Обратившись к технике а la гриппа, художник остро скваживает состояние модели. Легкий длинный скользящий мазок удачно подчеркивает живость детской природы, ее непосредственность.

Донской пейзаж — предмет особого восхищения художника. Здесь и раздолье летней степи с про-

зрачным, настоящим на аромате трав воздухом, с синей, предгрозовой полоской на горизонте и клонящимся к закату ярко-красным диском солнца («Степная мелодия»), и степь, тронутая осенними красками, спокойная и умиротворенная («Степь. День Покрова»), и быстрые, метко передающие состояние природы акварельные зарисовки («Солнечный день», «После дождя»). Точно взятые тональные отношения цветовых масс, насыщенность цветом пространства создают, несмотря на небольшой формат этих произведений, ощущение торжественности и величественной монументальности.

Представлен на выставке и натюрморт. Необыкновенно поэтичные «Цветы в окне» поражают своей цветностью. Сюжет натюрморта неприязнителен: недовольный горшочек с

только что начинающей распускаться агавой и изящная керамическая ваза с сиреневыми «дубнами», за окном — хмурый пасмурный день, голая поникшая ветка, а в доме — тепло, последние отблески скудного осеннего солнца сияют на подоконнике россыпью бирюзового-голубых рефлексов, напоминающих драгоценные камни; воздух напоен влагой, слив воедино изображения предметов за окном в некий фантастический узор.

Говорить о каких-либо итогах по поводу выставки Н. И. Мирошниченко пока рано: художник на пороге становления профессионализма, и лучшие его работы еще впереди.

Н. КАЗАНСКАЯ.
Студенческий институт им. Релинга,
г. Предтарск.